

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ РУКОПИСЕЙ
им. Х. С. СУЛЕЙМАНОВА

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ВОСТОКА

БИЛАЛ НАЗЫМ

ИЗБРАННОЕ

Издательство ЦК Компартии Узбекистана
Ташкент 1982

Редколлегия: Абдурахманов Ф. А., Ахмед-ходжаев Э. Т., Джаббаров Д. Д., Каюмов А. П., Пармузин Б. С., Шагулямов И. Ш., Шамухамедов Ш. М.

Выдающийся уйгурский поэт XIX века Билал Назым является автором многих лирических стихов и поэм.

В эту книгу вошла лирика, которая в переводе на русский язык публикуется впервые.

Составление и перевод с уйгурского
Мурата ХАМРАЕВА

Редактор **Борис ПАРМУЗИН**

© Издательство ЦК Компартии Узбекистана, 1982.

БИЛАЛ НАЗЫМ

(1824--1899)

В многовековой истории уйгурского народа два последних столетия были наполнены непрерывной вооруженной борьбой с китайскими поработителями. В первых рядах плечом к плечу с ремесленниками и дехканами с оружием в руках сражался выдающийся поэт, автор многочисленных лирических произведений и поэм Билал Назым. Сын сапожника, он жил помыслами и мечтами своего народа, знал нужду и голод, являлся выразителем его сокровенных чаяний и дум.

Получив первоначальное образование в родном доме, Билал Назым провел многие годы в мектебах и медресе гор. Кульджи, изучая поэзию и науку, глубоко знакомясь с творчеством Рудаки и Саади, Джамии и Алишера Навои, которого считал своим наставником и пиром. Будучи имамом одной из кульджинских мечетей, Билал Назым вместе с простыми людьми боролся против китайского порабощения. После поражения он с наиболее активными участниками восстания, уйгурскими дехканами, опасаясь мести китайских поработителей, перешел на территорию царской России. Поэт с тяжелым сердцем покидал отчизну и с горечью писал в одной из своих газелей:

Да, оторван ты, Билал, от отчизны.
А без родины тебе нету жизни.

Творчество Билала Назыма невелико по объему. Пока известны те произведения, которые име-

ются на сегодняшний день благодаря публикации Н. Н. Пантусова.

Наследие поэта — это около ста газелей, поэма «Война мусульман против китайцев», «Повествование о Назугум», сатирический рассказ о религиозном авантюристе Юсупхане. Поэма «Война мусульман против китайцев» строго документальна. Это своеобразная летопись грандиозного восстания уйгурского народа 1864—1867 годов, «Повествование о Назугум» — трагическая история самоотверженной борьбы героини уйгурского народа красавицы Назугум, погибшей на плахе, но не покоровшейся завоевателям, «Чанмуза Юсупхан» — едкая сатира на реакционное духовенство, смысл жизни которого — грабеж и нажива.

Лирические произведения Билала Назыма — газели, мухаммасы, мусаддасы — строго традиционны, хотя в некоторых из них наблюдается специфическая, присущая творчеству Билала Назыма рифмовка. Так, например, если в классической газели монорифма обычно начинается с первого бейта, то есть двустипия, то у Билала Назыма довольно часто первый бейт имеет собственную рифму, а монорифма начинается со второго бейта. Есть и другие, незначительные особенности техники стиха Билала Назыма. По возможности они сохранены при переводе на русский язык.

Время — самый объективный и самый беспристрастный судья творчества поэта. Только оно позволяет по-настоящему оценить его вклад в духовную сокровищницу народа.

Через годы дошли до нас своеобразные стихи Билала Назыма — выдающегося представителя уйгурской письменной литературы дореволюционного периода.

МУРАТ ХАМРАЕВ.

ГАЗЕЛИ

* * *

Любить нль не любить? Не спрашивай об этом.
Ведь без любви прожить — страшнее казни нету.

Кто от любви шел прочь, кто мук любви не ведал,
Тот видел только ночь, тот не увидел света.

Любви не знавший шах — убогий, жалкий нищий,
В его пустых глазах ты не найдешь ответа.

Зачем пришел он к нам в мир праведный
и грешный,
Какой он пил бальзам, какой он яд отведал.

Скиталец знал любовь и он счастливей шаха,
Пусть не имел он кров, но обошел полсвета.

И ты, Билал, гордись, что был у ног любимой,
Что посвятил ей жизнь и счастье видел в этом.

Когда она с тобой ты горе не заметишь,
Когда она с тобой — то зимний месяц — лето.

Ее уста как мед, а бровь — изгиб михраба,
Побыл с ней только год — навеки стал поэтом.

* * *

Если б это небо злое стало добрым хоть на миг,
И людей лихую долю хоть один султан постиг.

Если б женщина воочью хоть единожды за век
Видела, как долгой ночью в честь ее слагают стих.

Если б каждый жил на свете столько, сколько
прожил Ной,
Как Лукман Хаким ответил, чем подлунный мир
велик.

Если б юношей не старил тяжкий выюк
жителей дел,
Если б девушкам подарен был Узры изящный лик.

Если б все без промедленья совершилось и сбылось,
Я — Билал — без сожаленья прикусил бы свой
язык!

* * *

Меня совсем с ума свела краса моей любимой,
Зачем в подлунный мир пришла она такой
красивой?

В лучах ее поникло все, погасли в небе звезды.
В тоске по ней я стал Меджнун, безумный и
плаксивый.

В тоске по ней бродягой стал, не знаю, что мне
делать.
Согнулся весь как буква «дал», понурый и унылый.

Звезду, что светит на заре, народ зовет Венерой —
Не знает он, что та звезда — лишь слабый отблеск
милрой.

Лишь в ней любовь свою открыл Биалал Назым
счастливым,
Нет, без нее ему не мил весь этот мир постылый.

* * *

Был в косе твоей цветок или был бутон?
Было это наяву или то был сон?

Кто с тобою рядом шел, я не разобрал,
Только твердо знаю я: был счастливым он!

В бирюзовом чапане, с солнечным лицом
Ты явилась, как цветок, что в зарю влетен.

Кто тебя хоть раз видал, кто хоть раз встречал,
Тот безудержно в тебя, милая, влюблен.

Среди тех страдальцев в ряд встал Биалал Назым,
Весь от темени до пят страстью опален.

Так взгляни хоть краем глаз, улыбнись хоть раз,
Чтобы в сердце родилась песня, а не стон.

* * *

Дни летят, идут года, а от милой писем нет,
Я зову ее всегда, но ни слова мне в ответ.

Может быть, ей в тягость стал, кто любовь лишь
в ней признал,
Может, кто-нибудь ей дал удручающий совет?

Может, с ней случилось что, может, у нее другой?
Может, я теперь — никто, ведь промчалось
столько лет.

Я не знаю, почему не напишешь хоть строку
И страдальцу своему теплый не пошлешь привет.

Дух, Биалал, свой не теряй, помыслы больные брось,
Путь терпенья, твердо знай,— это путь прямых
побед.

* * *

Хочу, когда придет весна, пробраться к милой в сад
В вечерний час, когда она пойдет одна гулять.

И дерзкая задумка есть в тенистом том саду,
Бутоны, что не успел расцвести, безжалостно
сорвать.

Пусть расцветет он у меня в ликующих руках,
Чтоб только мне свой первоцвет бутон тот смог
отдать.

Чтоб только я, никто другой, с бутоном тем в руках,
Перед тобою под луной смог на колени встать.

Крепись, Биалал, и за мечтой беги хоть в рай,
хоть в ад,
И знай: кто верен ей душой — тому ее догнать!

* * *

На меня свалилось счастье неожиданно, мой друг,
И в его могучей власти заиграло сердце вдруг.

Взглядом царственным пронзила прямо душу мне
она,
Вздрогнул так, что кровь застыла, но не выказал
испуг.

Слезы радости, отрады горной речкой полились,
Но стерпел я и пощады не просил от этих мук.

Нет счастливее Билала, он любви своей достиг,
Сердце в сеть его попало, в сеть из нежных женских
рук.

* * *

Говорят, что превратился я в хранилище печали.

Говорят, любви лишился и верну ее едва ли.

Говорят, на небе синем не увижу больше солнца.

Говорят, мои отныне дни темнее ночи стали.

Милая ушла... и сердце словно лист затрепетало,

Только не померкло солнце, и лучи его сверкали.

Мир вокруг стоял спокойно, розы нежно

расцветали,

На ветвях чинары стройной птахи звонко

щебетали.

Тучки в небе бесконечном беззаботно проплывали.

Дети бегали беспечно и безустали играли.

И Билалу стало ясно, что грустит о ней напрасно,

Приказал он сердцу властно: позабудь про все

печали.

* * *

О аллах, к моей любимой приведи скорей меня,
Болен я неизлечимо, чахну день я ото дня.

Истрадался я, не скрою, нет ни отдыха, ни сна,
Как Меджнун перед Лейлою, как полынь среди
огня.

Как мираж в пустыне знойной предо мной стоит
она,
Красотой сверкая стройной, за собою в даль маня.

Все на свете позабуду и на край земли пойду,
Только бы свершилось чудо и, Билала не гоня,

Подошла, сказала: милый! Все. Отныне я — твоя,
Торопись ко мне, любимый, посильней пришпорь
коня.

* * *

О зефир, моей любимой мой тоскующий привет
Донеси, и если спросит: «Есть он в мире или нет?»

Он грустит или ликует, помнит иль давно забыл?»
— Твердо помнит и тоскует по тебе, — скажи
в ответ.

Сна и отдыха не зная, он без устали поет,
И, стихи тебе слагая, стал совсем уже поэт.

Дни и ночи он считает, все мечтает быть с тобой,
Без любимой, твердо знает, опостыл ему весь свет.

О зефир, судьбой гонимый, просит у тебя Биалал:
«Донеси моей любимой мой тоскующий привет!»

* * *

Любимая, меня хоть раз послушай,
Мой голос жалобный сейчас послушай.

Лицо твое -- луна и солнце вместе,
Струнтся лунный свет из глаз, послушай.

Тебя люблю я, как Меджнун безумный,
И этот стих — Меджнуна глас, послушай.

До Бухары дойду я за тобою,
И землю обойду сто раз, послушай.

В тот час, когда придешь ко мне, не будет
На всей земле счастливей нас, послушай.

* * *

Что мне делать, как ни охать — я от милой
отлучен.

Пламенем разлуки горькой я сегодня опален.

Нет со мною черноокой, юной девы нет со мной,
Нет со мной звонкоголосой и, увы, все то не сон.

В день, когда делили счастье среди всех простых
людей,

Я пришел последний самый, и судьбой был
обделен.

Если б счастье не умчалось, как от плетки резвый
конь,

Разве б сердце надрывалось, разве душу жег бы
стон?

Если б счастье томным взглядом поглядело на меня,
Лишь со мной была бы рядом та, чьи губы, как
бутоны.

Потому я, как проклятье, повторяю день и ночь:
Да, Биалал, земного счастья ты лишен, лишен,
лишен.

* * *

Отчего дрожишь украдкой?— ты спросила у меня,
Может, болен лихорадкой и замерз к исходу дня?

Отвечали оба ока, в оба глаза полились
Два сверкающих потока, ледяной слезой звеня.

Сердце бедное забилося, словно заяц под орлом,
В бедах всех, что вдруг свалились, красоту твою
вня.

Поняла ты все, сказала долгожданные слова,
Сердце юное Билала обожгла сильней огня.

* * *

О красавица, твой взгляд — душе моей лекарство,
Только трудно мне понять, каков предел коварства.

То велишь, чтоб я исчез и сгинул без возврата,
То поднимешь до небес и возведешь на царство.

На день ты меняешь сто нарядов и капризов,
Я не знаю, для чего тебе такое барство.

Воздвигаешь сто преград ты на пути тернистом,
Все напрасно. Их сломлю с упорным постоянством.

Не боюсь ни зла, ни мук. Все для меня привычно,
Разоришь меня, мой друг, или дашь богатство.

Все безропотно стерплю и все преодолею,
Потому что я люблю. Любовь сильнее коварства!

* * *

Когда бываешь среди людей, то не снимай чачван
с лица,
И не смущай красой своей ты бедных юношей
сердца.

Глядели звезды с неба вниз, но, глаз твоих увидев
блеск,
Блеск потеряли, разбрелись, попрятались в лучах
Тельца.

И спутав с утренней зарей лицо твое, запел удад,
Изящный стан увидев твой, вдруг сникли разом
деревца.

А родинка у губ твоих вчера смутила весь Хотан,
Юнцов безусых и седых — всех ты пленила.
Как творца

Прошу тебя я, пожалей ты их, безумных, и меня,
Когда бываешь среди людей, то не снимай чачван
с лица.

* * *

Соловей запел от счастья, юный лик увидев твой,
Он его за розу принял — нет ошибки никакой!

Коль Ширин, Узра и Лейла повстречались бы
с тобой,
В тот же миг к тебе в служанки повалили бы
толпой.

Раньше их тебя я встретил. Раньше их прошусь
в рабы,
Раньше их тоскует сердце неземною красотой.

И твои ресницы-стрелы раньше их меня смели,
На костре любви сгорел я, стал и пеплом и золой.

Мимо шла. Остановилась ты на миг передо мной,
Поменяла гнев на милость. Помахала мне рукой.

И тогда Биалал счастливый песню звонкую запел,
Полилась она бурливой, полноводною рекой.

* * *

От меня лицо не прячь, как от других, о милый
друг.

И по-женски не заплачь от слов моих, о милый
друг.

Может быть, грубы они, но то души печальный
крик,

Прочь меня не прогони от глаз своих, о милый
друг.

Счастлив я на тот лишь миг, когда приходишь ты
ко мне.

Верю я, что создан мир для нас двоих, о милый
друг.

Пусть толпой перед тобой стоят сегодня стар и
млад.

Нету пользы никакой от всех от них, о милый
друг.

Лишь один Биалал влюблен в тебя как истинный
джигит.

Боль души прими его, он — этот стих, о милый
друг.

* * *

От очей твоих прекрасных отвести глаза не
в силах,
Крот слепой я и несчастный, ты как сокол
сизокрылый.

Если день тебя не вижу и не слышу час твой голос,
Шахский трон душе не нужен. Мир весь кажется
постылым.

Без тебя мне жизнь — обуза, без тебя она не
в радость,
А с тобою — нету груза тяжких лет и дней унылых.
Говорят, что стал я странным, и смеются — стал
поэтом,
Что родных забыл желанных и на все глаза
закрыл я.

Может быть, друзья и правы. Что на это им
ответчу?
Больше жизни, больше славы полюбил я речи
милой.

Полюбил — и все — ответа нету больше никакого,
Глаз своих лучистым светом ты меня заворожила.

Гордым увлекла полетом, а потом навек забыла,
Как пылинку буйным ветром ты Билала закрутила.

* * *

О лунолика, цветок души моей,
Ты словно роза, я, как жалкий соловей.

Страдаю ночь и день в тисках шипов твоих,
Хожу я словно тень, так сжался, пожалей.

Ты из бровей своих согнула лук тугой.—
Ресницы-стрелы. Их не может быть острей.

Меня порой дразня, откроешь ты лицо,
И ночь любого дня становится светлей.

Лишился бы ума могучий шах Бахрам,
Коль встретилась сама ты с ним в один из дней.

Тебя увидев вдруг, Лейла, Ширин, Узра
Заплакали б навзрыд, поняв, что ты нежней.

Лицо твое — цветок, Биалал — твой соловей.
Он не воспеть не мог красу любви своей.

* * *

О виночерпий, поскорей налей же мне вина,
Удел твой — до краев налить, а мой — испить
до дна.

Седую голову мою гнетет печаль-тоска,
И то, что слезы нынче лью, в том не моя вина.

Ну, как же мне не пить вина и как не горевать?
Коль оказалась мне она сегодня не верна.

Горю от ревности в огне я с ночи до утра.
Нет мне покоя, нету мне ни отдыха, ни сна.

Налей побольше, не вина, о виночерпий, друг.
Во всей вселенной для меня она была одна.

Ушла она и не дано ничем ее вернуть,
С утра до ночи пью вино и с ним печаль сполна.

* * *

От любви к тебе валяюсь день и ночь в твоих
ногах,
Потеряв мужскую гордость, позабыв про стыд и
страх.

На тебя гляжу с мольбою, с восхищением гляжу,
А в ответ усмешку злую я ловлю в твоих глазах.

Хоть поеду в Рум, хоть в Йемен, не расстанусь я
с тобой.

Потому что ты со мною в сердце, в мыслях и
стихах.

Как Рустам, перед любимой я без воли и без сил
Как Меджнун, судьбой гонимый я, Биалал, один
в песках.

* * *

Внемлю твоей мольбе, коль хочешь — слушай,
Билал Назым тебе откроет душу.

Ты — госпожа, а я слуга твой верный,
Взваливший на себя любовь, как ношу.

Пусть жалким стал под ней, как «нун» согнулся,
Пусть в горе впал, но ни за что не брошу.

Ведь дни мои без ноши той огромной
Вполне сродни поломанному грошу!

* * *

О, сколько бед пришлось мне пережить,
Пока я шел руки твоей просить.

От слез, что пролил я за эти дни,
Могли бы реки русла изменить.

От вздохов, что бурану так сродни,
Могло бы небо звезды погасить.

Но это не случилось потому,
Что суждено нам нынче вместе быть.

И радуюсь я счастьем своему,
Стараюсь о тебе стихи сложить.

О красоте твоей, хотя ее
Не знаю с чем достойно бы сравнить.

С чем уподобить вырез алых губ,
К цветку какому щеки приложить.

Не так все это просто, ведь Билад
Не будет некрасивую любить.

* * *

Ты — причина всех печалей и страданий злых,
я знаю.
По твоей вине родился этот грустный стих,
я знаю.

Мотылек всю жизнь кружился у свечи, в огонь
влюбленный,
Он в костер любви свалился и навек затих,
я знаю.

Мотылек — я. Не измеришь ты мою тоску и горе.
Я рыдаю, но не веришь в честность слез моих,
я знаю.

Лунный лик твой без сомненья ослепит любого
сразу,
Зрячими в одно мгновенье делает слепых, я знаю.
Мой удел — забыв о лени в поисках любви
скитаться,
Ждать ее благоговенья до волос седых, я знаю.

В жизни тягостной, постылой столько горя
пережил я,
Сколько бы с лихвой хватило на мужчин троих,
я знаю.

Я страдал. Странья эти позабыть смогу едва ли.
Прелесть вся на белом свете будет только в них,
я знаю.

* * *

Не хочу ничуть скрывать я, что тобою опьянен,
Что, в твои попал объятия, словно бабочка, спален.

Коль не выйдешь на свиданье или глянешь на кого,
Не могу сдержать рыдания, бурный гнев, тяжелый
стон.

Как услышу голос нежный и бровей увижу взлет,
Как увижу ряд жемчужный, губ сверкающий бутон.

В тот же миг весь мир забуду, за тобой пойду хоть
в ад,

И в ногах валяться буду, потому что я влюблен.

Будет в прах Билал низвергнут иль до неба
вознесен,

Осчастливлен иль отвергнут, до сих пор не знает он.

* * *

Я болел не две недели: целый год ждал смертный
час.

Руки, ноги онемели и один закрылся глаз.

Дни и ночи знал лишь боли, словно я свалился
в ад,

Но, собрав однажды волю, я тихонько вышел в сад.

От цветов струилось пламя, на траве был изумруд,
С постаревшими глазами встретился твой юный
взгляд.

Я не знаю, что случилось, только все болезни
прочь,

Мне такое и не снилось ни вчера, ни год назад.

Как Меджнун Биалал влюбился и готов за ней
шагать,

Он любовью излечился и тому, конечно, рад.

* * *

Ее ресницы — копий острых ряд,
Со всех сторон вокруг меня стоят.

Ее зрачки как лунный блеск весной,
Они сейчас меня насквозь пронзят.

В плену я глаз ее, они — палач,
И жизнь мою, шутя, отнять хотят.

Но стоит ли над этим горевать?
Ведь Сам и Сиявуш, Рустам, Фархад —

Все были пленниками глаз и уст,
Всех их пленял красавиц юных взгляд.

Так послужи и ты в плену, Билал!
Я знаю, службе той ты будешь рад.

* * *

Речи милой — это сахар, и халва, и майский мед,
А лицо светлей, чем солнце, озаряет небосвод.

Корабельные канаты тоньше кос ее тугих,
Каждый волос в них играет, золотой струной поет.

Словно роза, расцветает вечером и днем она,
Зубы жемчугом сверкают, лепестками сложен рот.

Стройный стан ее подобен молодому деревцу.
Нет стройнее стана в мире! Знаю это наперед.

Без нее грущу опять я, повторяя вновь и вновь:
Умереть в таких объятьях — это радостный исход.

* * *

Тучей, словно занавеской, солнцу прячет небосвод,
А луна пронзает блеском звезд неяркий хоровод.

Так и ты лицо прикрыла, лишь глаза, как луч,
блестят,
Неожиданно явилась. Удивил всех твой приход.

Невозможно насмотреться на сурьму твою и хну,
За собой уносит сердце в даль бровей твоих полет.

Шелка розовые складки так слились с твоим лицом,
Что наряд павлина — тряпка у заброшенных ворот.

Изумруды и рубины перед блеском глаз твоих,
Словно мухи в паутине, ждут, когда их смерть
придет.

Я тобой пленен навеки, стан твой гибкий, словно
лук,
А ресницы — стрелы, веки, как миндаля спелый
плод.

Пред тобою звезды меркнут, ночь становится,
как день,
И ночные птицы слепнут, прекращают свой полет.

О тебе Биалал слагает в день по десять мадхне,
Будет рад он, коль узнает, что хоть кто-то их
прочтет.

* * *

Сегодня милая придет, красой невиданной плена,
Как мотылек она вспорхнет, всех в миг единый
опьяня.

Под звук танбура запоем, весь мир обворожит она,
И Искандер поход прервет, послушать песнь сойдет
с коня.

Богач надменный и бедняк вокруг нее, разинув рот,
Стоят весь день. Средь тех зевак всегда отыщете
меня.

А голуби и соловьи, синицы, галки и удои,
Гнездовья позабыв свои, к ней в сеть падут средь
бела дня.

И если кто поэтом стал, то только подражая ей,
Вот почему, Назым Билал, стоишь ты, голову
склоня.

* * *

Красоту твою увидев, мир дыханье затаил,
И на землю с удивленьем опустился Джабраил.

Живописцы сдались разом и с ума чуть не сошли,
Ведь они достойных красок для портрета не нашли.

У тебя лицо, как лотос, нет черней твоей косы,
Красивее всех цветов ты, что когда-нибудь цвели.

Ты едва открыла очи, превратилась в полдень ночь,
Стала стужа летним зноем, с гор снега ручьем
сошли.

И с Билалом стали хором песни в честь твою
слагать
Опьяненные тобою все мужчины всей земли.

* * *

Пески разлуки пролегли меж нами,
Тоску и муки не сказать словами.

Ты как Лейла, друг мой, Меджнун я глупый
С судьбой крутой и горькими слезами.

Я по тебе грущу и слезы эти
Из глаз пущу кровавыми ручьями.

О, если б разлились они по свету,
Покрылся б мир бесплодными цветами.

А если бы они попали в море,
То рыба задохнулась бы... Степями

Идет Биалал седой, купаясь в горе,
С больной душой и красными глазами.

* * *

О любимая, пойми же, не виновен я ни в чем,
Лишь лицо твое увижу, забываю отчий дом.

Коль услышу шаг твой скорый, сердце прыгает
в груди,
Как у селезня, который должен встретиться
с орлом.

А глаза твои встречаю — превращаюсь в мотылек,
Что в безумии играет с полыхающим огнем.

Лучше б я тебя не видел и не слышал голос твой,
Не входил в любви обитель и не ведал бы о том,
Что бывают в мире счастье, и несчастье, и беда,
Что печали и ненастья чаще обитают в нем.

О Билал, ты будь доволен, что познал весь этот
мир,
И воспой его достойно нестареющим стихом.

* * *

О боже мой! Неповторимый! Молю тебя я лишь
о том,
Не разлучай меня с любимой на этом свете и
на том.

Я — соловей, меня от розы не отлучай, не отлучай
Ни зимней жуткой ночью поздней, ни летним
светлым ясным днем.

Душа моя — скиталец пленный у алых губ ее и
глаз,
Трепещет сердце — лист осенний под нестихающим
дождем.

Играет им она как хочет: то бросит вверх,
то кинет вниз,
То, словно солнце, захочет, то загрохнет, словно
гром.

А для меня желанней счастья не может в этом мире
быть,
Чем с рук ее упасть в ненастье и в синеву
взлететь потом.

О боже мой! К тебе с мольбою я, бедный раб,
Билал Назым,
Не разлучай меня с любовью на этом свете и
на том.

* * *

Нет, в душе не каждого пожар любви горит,
Соловьем отважным, нет, не каждый может быть.

Только тот любви достоин, кто готов на смерть,
Кто готов, как смелый воин, недруга сразить.

Нет, не каждой суждено, как пери Бадни,
Над прекрасными цветами мотыльком парить.

По Лейле тоскуют парни, но не каждому
Мед Меджнуновых страданий суждено испытать.

Коль красавицу не ложно полюбил, то знай,
Только после смерти можно это позабыть.

За любовь воюй без страха, как герой Рустам,—
Только смелость и отвага могут победить.

Жди любимого хоть вечность, твердо знай, его
Ожиданье верной встречи может окрылить.

Эй Биалал, любовь ты славись, о любви поешь,
Потому что в жизни знаешь лишь одно: любить.

* * *

Вольный ветер, знойным летом и осеннею порой,
И зимою, и весною ты летаешь над землей.

С облаками ты резвишься и беседуешь с луной,
Все ты видишь, все ты знаешь, так услышь же
голос мой.

Я прошу тебя, о ветер, из далекой стороны
От моей любимой вести принеси ко мне домой.

Где ее нога ступала, там песчинку подхвати,
Подари ее Билалу, то подарок дорогой.

Принеси мне утром ранним волос с головы ее,
Будет он мне талисманом, с ним пойду
на смертный бой.

И еще подай по-царски кубок горького вина —
Выпью я. Оно — лекарство! Может, выпьешь ты
со мной?

День и ночь тобой гонимый, слышишь, горько
плачу я...
Ждет Билал привет любимой. Ждет и летом,
и зимой.

* * *

Говорят, среди красавиц она признанный султан,
Говорят, среди шахинь она назначенный им хан.

Говорят, что в цветнике ее прекрасней нет цветка,
Говорят, что среди звезд свет ярче никому не дан.

Каждый волос у нее поет струной, блестит как меч,
Каждый юноша и старец к ней любовью обуян.

Не один, сраженный ею, ты как пес бежишь за ней.
Говорят, у ног ее десятки царств и сотни стран.

Поведет она лишь бровью — каждый замертво
падает.

Ничего не в силах сделать даже сам Хаким Лукман.

Будь, Билал, с ней осторожен — вся в оружии она:
У нее ресницы — стрелы, лук тугой — изящный
стан.

* * *

Меня аллах любви лишил — ее увел он прочь,
Чтоб одному ему служил, молился день и ночь.

Чтоб думал только лишь о нем, о небе, о грехах
И чтоб не думал о земном. Но это превозмочь

Сумел Билал, не зная сна, и в этом помогла
Ему красавица одна, чей взгляд почти точь-в-точь

Похож на звезды, а луна подобна ей самой,
Счастливого отца она счастливейшая дочь.

Иду я правильным путем и не сверну с него:
Не нужен рай душе потом, я рай земной не прочь

Построить здесь, и в этом мне поможет, знаю я,
Та, чье лицо сродни луне и очи, словно ночь.

* * *

Мне она не друг, быть может, но она мне и не враг,
Ревность сердце волком гложет. От нее я ни на шаг.

Я ее не стою, ясно, все мои страдания зря,
Ведь она цветок прекрасный, я в сравнении с ней —
сорняк.

Каждый, кто ее увидит, посвятит газели ей,
А за мною вслед не ступит даже мой худой ишак.

Я слезами моюсь, грешный, слезы пригоршнями
пью,
Каждая слезинка блещет, как надраенный пятак.

Но живу с прекрасной думой, что на свете счастье
есть,
Хоть зарос и обезумел, исхудал весь и иссяк.

О своей тоске и горе, об отвергнутой любви
Расскажу друзьям я вскоре, пусть не судят так и
сяк.

Лишь с невеждой и незрячим не глазами, а душой
Не делись, Биалал, иначе просто попадешь впросак.

* * *

Уходишь от меня. Скажу тогда своей любви:

«Прощай!»

Пойду и я, куда гляжу. Меня уж не зови, прощай!

Скитаясь, как Меджнун в песках, все расскажу

орлу и льву,

Они прочтут в моих глазах, в чем люди не правы,

прощай!

Они, я знаю, все поймут, поверят, как тоскую я,

И, сострадая, все всплакнут — от волка до совы,

прощай!

И даже злой дракон из глаз вдруг выдавит

слезинки две,

И он поймет, как в этот час бурлит печаль в крови,

прощай!

Уходишь ты. В последний раз поближе подойди

ко мне,

Меня кинжалом острым враз от жизни оторви,

прощай!

Зачем Билалу этот век, коль нету в нем любви,

Он без нее не человек, а клоч степной травы,

прощай!

* * *

Луноликая моя, до свиданья.
Черноокая моя, до свиданья.

Из груди сорвался стон, до свиданья,
Нераскрывшийся бутон, до свиданья.

До свиданья, мой народ, до свиданья.
До свиданья, мой приход, до свиданья.

До свиданья, все друзья, до свиданья.
До свиданья, и земля, до свиданья.

Всем, с кем жил и с кем дружил, до свиданья.
Всем, с кем ссорился, любил, до свиданья.

До свиданья, вы, луга, до свиданья.
До свиданья, вы, снега, до свиданья.

До свиданья, отчий край, до свиданья.
До свиданья, что ж, прощай, до свиданья.

До свиданья, города, до свиданья.
Мы уходим навсегда, до свиданья.

До свиданья, дочь и сын, до свиданья.
Я теперь совсем один, до свиданья.

До свиданья, и любовь, и подруга,
Разделила нас судьба друг от друга.

Разрубила, словно меч, до свиданья.
И не праздновать нам встреч, до свиданья.

Да, оторван ты, Билал, от отчизны,
А без родины тебе нету жизни.

* * *

Я в плену очей любимой много лет и с давних пор,
Никому не стоит с ними затевать какой-то спор.

Ведь когда поутру рано ты выходишь на айван,
Каждому известно станет — солнце вышло из-за
гор.

Взгляд твой спящего разбудит и больного исцелит,
Кто его поймает, будет знать, каков у счастья взор.

Кто твои увидит кудри, что столпились у плеча,
Тот поверит в то, что видел он божественный узор.

Предан я любовной страсти, как Иосиф и Фархад,
Потому совсем некстати молчаливый твой укор.

Вновь тебя сегодня встретил и опять растерян я,
Хоть красу твою приметил с давних, юношеских
пор.

* * *

Я от любви к тебе дрожу, как будто в лихорадке,
И из худжры не выхожу. Да, дни мои не сладки.

Стрела любви, мне грудь пронзя, попала прямо
в сердце,
Заставив бедного меня играть со смертью
в прятки.

Из губ моих горячий стон она шутя срывает,
Душа гарцует, словно конь, а мысли в беспорядке.

Увидеть лик твой миг лишь дан, я радуюсь,
довольный,
Но спрячет вновь его чачван своей литой оградкой.

Всю жизнь тоскует по тебе Биалал Назым
влюбленный,
Так смилуйся к его судьбе, приди хотя б украдкой.

* * *

Нам досталось от судьбы по сотне бед и сотне лих,
Да еще поток мольбы она свалила на двоих.

Потому я реки слез пролил до самого утра,
Днем в песках Меджнуном полз, а к вечеру замерз
и стих.

Видно, суждено бросать в костер влюбленные
сердца
И украдкой наблюдать, как пламя пожирает их.

Веря в то, что радость есть, не спать всю ночь,
о ней мечтать,
На заре себе прочесть о красоте любимой стих.

Душу тем угмонить и сердце успокоить тем,
Что не может в мире быть очей прекраснее твоих.

* * *

Гибкий стан, лебяжьё шею, родинку и ясный
взгляд,
Позабить я не сумею, и тому всем сердцем рад.
Как «алиф» всегда был стройный, ты меня согнула
в «дал» —
Упражняюсь ведь в поклонах много месяцев подряд.
На костре или на плахе я погибну за любовь,
В ад пойду за ней без страха — отвернусь
от райских врат.
Как мальчишка и проказник ждёт Биалал твой
приговор:
Будет это светлый праздник иль печалей новых
рять?

* * *

Лучше стрелы молний в душу, чем насмешливый
твой взгляд,
Лучше гром пронзит пусть уши, чем отказ твой
услыхать.

Пусть считают, что я гений, слава пусть бежит
за мной,
Это все ничто в сравненьи с тем, что ты мне
можешь дать.

Это все — ничто в сравненьи с тем, что можешь
ты придти
И со мной одно мгновенье в переулке постоять.

В океан любви упал я, как неопытный пловец,
С головой нырнул, навряд ли мне уж вынырнуть
опять.

Но хочу, чтоб над могилой неудачного пловца
Собрались подружки милой, пожелавшие понять,

Что в пучине грозной легче захлебнуться и
заснуть,
Чем отказ подобный смерчу мне, несчастному,
узнать.

* * *

Мой стройный стан согнулся враз, я стал похож
на букву «нун»,
А слезы хлынули из глаз, как воды злой реки
Джейхун.

И дни, и ночи провожу в мечтах и грезах по тебе,
Тебя Лейлою нахожу, а сам скитаюсь, как Меджнун.

Я, кажется, с ума схожу и сохну, как степной
ковыль,
Как дед столетний я хожу, как будто сроду не был
юн.

Душа наполнена тобой, и сердце тянется к тебе,
Как к солнцу тянутся весной жасмин, и кипарис,
и вьюн.

К Билалу благосклонна будь в священный вечер
встречи с ним.
Извлечь из сердца не забудь мелодию душевных
струн.

* * *

Любимая, душе моей ты радость принеси,
О чем мечтал я столько дней, ты у меня спроси.

Сто бед, которые за мной шагали, словно тень,
Одной улыбкой, как волной, на щепки разнеси.

Кто разлучить стремился нас, того, прошу сейчас,
Неотразимым взглядом глаз, как пикою, срази.

Пусть ревность гложет, как шакал, их души и
сердца —
Не гостем, а главою стал я в доме у красы.

Сегодня счастлив я сполна, ведь я навек с тобой.
Билалу сладкого вина подай, преподнеси!

* * *

Это радость — изловчиться и, увидя облик твой,
В тот же миг к ногам склониться поседевшей
головой.

Если нужен раб покорный, ты возьми меня и
знай —
До последней капли крови буду верным я слугой.

Если ты гостей зовешь, то я очаг горячий твой,
Если песню запоешь, то я дутар твой под рукой.

Если ты вина желаешь, прикажи лишь взглядом
мне,
Виночерпием я буду поднесу я кубок свой.

Я — дутар, по мне руками ты тихонько проведешь,
Разгорится в сердце пламя, заркочет голос мой.

Выпью я вина, счастливым стану на какой-то миг,
Назову тебя любимой, сердцу милой, дорогой.

Запою я песни громче, если ты ответишь «да»,
Если скажешь «нет», покончу с этой глупою игрой.

Если я тебе не нужен, то не нужен никому...
Да, Билал Назым обижен злой хозяйкою-судьбой.

* * *

Сколько лет в огне разлуки суждено еще гореть
И еще какие муки мне придется претерпеть.

По тебе я так страдаю, так тоскую, что со мной
Даже недруги рыдают, ты же продолжаешь петь.

От любви к Лейли, скитаясь, бедный Кайс погиб
в песках,
Да и мне теперь осталось только с горя умереть.

Изумрудом ярким блещет глаз твоих небесный
взгляд,
По душе так сладко хлещет кос твоих литая плоть.

Никогда мне не напиться досыта твоей красотой,
О Билал, ты, словно птица, что свалилась с неба
в сеть.

* * *

Я с тобою в мире грез и верится, что радость есть.
Без тебя соленых слез и злых страданий мне
не счесть.

В даль летят за днями дни, и кажется, им нет
конца,
Только добрую они мне не приносят что-то весть.

Если утром ты найдешь в траве росинку,
твердо знай,
Не роса то и не дождь, а я рыдал до зорьки здесь.

Ждал, когда взойдешь опять ты, словно солнце,
над землей
И случайный бросишь взгляд, он для Билала
тоже — честь.

* * *

Мне пора бы нянчить внука, а вот я, в который раз,
Изнывая от разлуки, воспеваю нежность глаз.

По дворам хожу, как нищий, за воротами слежу
И заглядываю в ниши, все надеюсь, вдруг сейчас

Ты ко мне стремишься тоже сквозь невзгоды и
буран,
И никто уже не сможет разлучить отныне нас.

Да, твое любое слово — радость. Только ты
молчишь,
И звучит в пустыне снова, словно вой, мой
скорбный глас.

Все на свете забываю: отчий дом, друзей, родных...
Пожалей меня! Сгораю я уже в который раз.

* * *

На моих сердечных струнах заиграла ты опять,
Предо мной, как пред Медждуном, миражи твои
стоят.

Я искал тебя в долине, реки вброд переходил,
Поднимался на вершины, словно сказочный
Фархад.

Я — Иосиф твой Прекрасный. За своею Зулейхой
Шел вперед я и не разу не попятился назад.

А когда не удавалось посмотреть в твое лицо —
На цветы взглянуть спускался я весной в тенистый
сад.

* * *

Отблеск красоты твоей горит в моих глазах,
Буду греться много дней в немеркнущих лучах.

В плен меня взяла ты смело без меча и стрел,
Сдался я на самом деле, а не на словах.

До сих пор понять не в силах, кто ты, наконец,
Может быть, ты ангел милый, может, жалкий прах.

Может, зря тобой горжусь, быть может, ты ничто,
Может быть... но я служу на совесть, не на страх.

Я одной тобой живу, горжусь всегда лишь тем,
Что увидел наяву, что грезилось в мечтах.

О возлюбленной своей поет Биалал Назым —
Опьяненный соловей на розовых кустах.

* * *

Люди правду говорили, что опасный ты огонь,
Да, не зря они твердили: голою рукой не тронь.

Не послушал я совета, подошел к ней, а теперь
Отойти уж воли нету, безнадежно я влюблен.

Надо мной смеются люди и в глаза, и за глаза,
Говорят, глупцом он будет, голову теряет он.

Я ведь тоже отзывался о влюбленных свысока,
Пока сам не оказался чарами ее пленен.

Равной ей Кульджа не знает. Потому Билал Назым,
На костре любви сгорая, как мальчишка увлечен.

* * *

Ты опять меня терзаешь, не пойму я почему,
Жалости совсем не знаешь, нет покоя никому.

Ждешь кого? О ком мечтаешь? Дружишь и
враждуешь с кем?
Любишь что, чего желаешь? Ничего я не пойму.

То как ночь зимой ты злая, а порой светла, как
день,
Что мне делать, я не знаю. Больно сердцу моему.

До какой поры повсюду за тобой как тень шагать,
До какой поры я буду вместо солнца видеть тьму!

Если любишь ты Билала, не скрывай, скажи ему,
Чтоб душа его узнала, что верна ты одному.

* * *

Досыта не насмотрелся я на лунный облик твой,
Нас опять пустил по свету поворот судьбы крутой.

Каждый час в пустыне странной, что разлукою
зовут,
Ты была такой желанной, словно встретился
с водой.

Звал тебя и днем, и ночью: слышали пески меня,
Но в ответ — лишь ветра клочья да шакалов
дикий вой.

Понял как-то я под вечер, что куда бы ни пошел,
Во вселенной всей не встречу я красавицы такой.

Так и бродит удрученный по Кульдже Биалал
Назым,
Несчастливый, разлученный, с незавидною судьбой.

* * *

Бью челом и жалуюсь на луноликую,
Ведь совсем не жалует она судьбу мою.

До утра с друзьями, верь, беспечно я гулял,
С нею встретился теперь, себя не узнаю.

Ничего не нужно мне помимо глаз ее,
Плачу день-деньской по ней и лишь о ней пою.

В кишлаке сильнее всех я был, а вот теперь,
Словно высохший орех, весь пожелтев, стою.

Может быть, она, поняв, сколь тяжела мне жизнь,
И стенаньям горьким вняв, вдруг голову свою

Повернет. Услышу я: «Средь тысячи мужчин
Выбираю лучшего,— Билала я люблю!»

* * *

Боже мой, куда глядел я, где тогда я был,
Ведь ее, неверную, всем сердцем полюбил.

Раньше был совсем мальчишкой, бегал по пыли,
Не задумывался слишком про любовный пыл.

А теперь забыл про все, о ней лишь говорю,
Взгляд ее, и стан ее, и голос ее мил.

Как луна она выходит и как шах стоит,
Поведет одной лишь бровью — мир у ног застыл.

Все замолкло, только я, как соловей, пою,
Хоть шипы и колкие, но я о них забыл.

На Билала с каждым днем грустней глядит она.
О друзья, зачем ее всем сердцем полюбил?

* * *

В городе Кульдже заметил деву стройную одну,
Словно перед жарким летом встретил юную весну.

На меня такая перь посмотрела, что в тот миг
Я подумал: рая двери кто-то настежь распахнул.

Может, есть еще моложе, но нежнее не бывать,
Ведь лицо ее похоже на красавицу-луну.

Как мехраб бровей изгибы, бесподобен гибкий стан,
Косы словно ветви ивы, что зефир к реке пригнул.

Лепестками розы алой губы сложены у ней,
Потому душа Билала у девчонки той в плену.

* * *

Пока не сгинут козни ее прекрасных глаз,
Мне подвергаться казни в неделю сотню раз.

Я как Меджнун плаксивый, я как герой Фархад
Беру откуда силы? Куда стремлюсь сейчас?

Куда вчера стремился? Когда остановлюсь?
Зачем на свет явился? В какую верю власть.

Явился, чтоб влюбиться! А для Билала власть —
Любовь. И насладиться он должен ею всласть!

* * *

От любви своей глупея, все сегодня расскажу,
Как тоскую по тебе я, словно Кайс в песках брожу.

За тобой, как лев за ланью, за джейраном ловкий
барс,
Поздней ночью, утром ранним с нетерпением слежу.

Может быть, тебя не стою, но покуда я живу,
В твои жаркие ладони свое сердце положу.

Перед близкими друзьями и далекою родней
Бесподобными глазами я без устали горжусь.

Пусть твердят, что зря тоскую, что на свете лучше
есть,
Никогда ни на какую больше я не погляжу.

Никакую знать не знаю, никакую не ищу,
О тебе стихи слагаю, о тебе одной тужу.

* * *

Блеск твоих прекрасных глаз нам яркой кажется
звездой.
Всех сломила взором властным, все молчим перед
тобой.

Каждый вздох твой как молитва, чутко слушаем
его,
Каждый жест твой нас на битву двинуть может
в миг любой.

И красавец, и калека, и богатый, и бедняк
Очарованы навеки лучезарной красотой.

И безусый мальчик скромный, и выдавший жизнь
джигит
У ворот твоих огромной день и ночь стоят толпой.
В той толпе мужчин влюбленных первым я,
Билал, стою,
Твой поэт и раб покорный, и слуга навеки твой!

* * *

На тебя всю жизнь гляжу, уже глаза устали,
От тебя же я дождусь добрый взгляд едва ли.

Сколько ни прошу тебя и сколько ни страдаю,
Вместо ласкового «да» слышу «нет», «не знаю».

Чернота бровей твоих, словно ночь без края,
Бесподобен светлый лик, словно розы в мае.

Много видел женщин я, много есть красавиц,
Но красивее тебя просто не бывает.

Соловиный голос твой слушает полсвета,
Кудри вьются над тобой голубиной стаей.

Губы, как рубин, горят, юношей смущая,
Зубы блещут белизной, жемчугом сверкая.

Перед этой красотой вместе с целым миром
Я, поэт Билал Назым, голову склоняю.

* * *

Очи черны, брови круты, щеки же белым-белы,
От любви к тебе погибну, скажут — жертва
Кербалы.

Наяву тебя не вижу, а встречаюсь лишь во сне,
Для такой, как ты, красивой, нужен раб, подобный
мне.

Среди всех цветов кульджинских бесподобный ты
цветок,
Среди звезд таких неблизких лик твой равен лишь
луне.

Если нужен мост над речкой, буду я мостом тебе,
Если ты сидишь со свечкой, буду лампою в окне.

Если ночь в степи застала, разведи большой
костер,
Вместо дров меня, Билала, брось, и я сгорю в огне.

* * *

В начале дня в кишлак ушла, а добралась к исходу,
Любовь свою ты там нашла, меня забыла сходу.

Бывало у ворот стоишь ты, как цветок, я — рядом,
Как пес, которого к ногам ты привязала взглядом

Любовной цепью скован я, мне некуда деваться,
Который год отравлен я любовным сладким ядом.

Жизнь без тебя мне нелегка, с тобою — просто
мука,

Но лучше мука, чем тоска, что налетает градом.

Как ты покинула меня, прошла всего лишь ночка,
А я уж дожидаюсь дня, когда ты будешь рядом.

* * *

Целый год уж пролетел, как по тебе тоскую,
Целый год как хлеб не ем и воды не пью я.

Целый год смотрю на все грустными глазами,
Кровью плачу целый год, кровью — не слезами.

Посмотри, как мир хорош в золотом убранстве,
Мы ж его не ставим в грош и не знаем сами.

Что нам нужно, не пойму, в чем причина горя,
Делим что и почему ссоримся с друзьями.

Позабудь обиды, стань ты со мною рядом,
Обовью твой гибкий стан жаркими руками.

И услышит вся Кульджа голос радостный певца,
Голос юноши, который стал счастливым самым.

* * *

На речушке ранним утром камешков не счесть,
Не сдержать слезу крутую, если горе есть.

Даже морю трудновато на седой волне
Удержать кусок булата или просто жечь.

Береги любовь, коль любишь, защищай ее,
Чистым золотом не купишь попорченную честь.

Всей душой Би.лал старался ближе стать к тебе.
Ждал добра и не дождался. Злою была весть.

Может, с самого начала мне предписан грех,
Потому всегда в опале и в печали весь.

Ты меня отвергла с дрожью в голосе. Ушла,
Одурманенная ложью и поверив в лесть.

Госпожой ты важной стала — счастлив я вполне
И, бессонницей страдая, не готовлю мечь.

* * *

Залейся песней, соловей, и пусть от песни той
Вдруг встрепенутся лепестки, как под живой водой.

Пусть, опьяненные стихом, они к ногам падут,
Пусть те, кто не познал любовь, подальше отойдут!

И ты послушай соловья, красавица моя,
Такие песни на земле лишь соловьи поют.

На свете много разных птиц, а соловей один,
И женщин много, но такой, как ты, не знали тут.

Во всей вселенной ты одна, и твой небесный
Сияет светом и блестит, как крупный изумруд. взгляд

А речи нежные твои из ярких алых губ —
Даруют отдых нам они, живой водой текут.

Их слушает Биалал, и вновь моложе станет он:
Ведь только радость и любовь они ему несут.

* * *

Видно, скоро я покину этот мир постылый,
Ветер скорбно прошумит над моей могилой.

Нет отца и мать ушла в путь, что без возврата,
Нету дела до меня ни родине, ни милой.

Мое имя позабудут, может быть, когда-то,
Кто-то вспомнит этот стих и прочтет уныло.

Если б жизнь была иной, если б был отец живой
И открылся мне душой, как тепло б нам было.

Только осень подошла, а весна давно ушла,
И остался ты, Биалал, соколом бескрылым.

* * *

На озере Байтокай уток и гусей не счесть,
Знать хотел, ну, что же, знай. У меня подруга есть.

Может, в поле выйду с ней, может, встречусь с ней
в саду,
Может быть, в края друзей ее нынче уведу.

Там, вдали от злых людей, о любви ей расскажу,
Может, встречу радость с ней, может, выловлю беду.

Пусть узнает, как страдал, может быть, мне скажет
«да»,

Девятнадцать раз тогда я к ногам ее паду.

Если, выслушав меня, убежит, как от огня,
Оседлаю я коня. На краю земли найду.

* * *

Ненсчислимой чередой выходят дни из тьмы,
Мир — это постоялый двор, а постояльцы — мы.

По жизни нас ведут с тобой различные дела,
А сердце от любви одной сгорело все дотла.

Моя судьбина нелегка, тернист и труден путь,
А безысходная тоска с ума меня свела.

Больную душу давит страх: вдруг не увижу я
Бровей твоих орлиный взмах, крутых, как два
крыла.

Найду ль когда-нибудь хоть раз ответ на тот
вопрос,
Который взглядом черных глаз ты нынче задала?

На берегу крутом стоит твой величавый сад.
Там роза пламенем горит, чинара зацвела,

Седое облако достал ветвями кипарис,
А рядом с ними ты, Биалал,— осенняя зола.

* * *

Летят гуси на заре, купцы едут по весне.
Сколько лет еще гореть? Ты когда придешь ко мне?

Молодوخу можно взять и старуху можно взять,
Но такую вот, как ты, вряд ли можно отыскать.

Говорю красотке я: «Поцелуй скорей меня».
Отвечает мне она: «Что на это скажет мать?»

Во всем городе Кульдже нет красивее тебя,
Я тебя зову к себе, ты — стараешься бежать.

Как над розой соловей, день и ночь я песнь пою,
О любви к тебе своей я пишу стихи опять.

Только ты наверняка никогда их не прочтешь,
Видно, душу бедняка не желаешь ты понять.

Видно, хоть с ума сойду, ты не вспомнишь обо мне.
Брошу все и в Хадж уйду, коль сумею мзду
собрать.

Но, узнав о том, теперь говоришь: «Пойду с тобой
Хоть за тридевять земель». Как же это понимать?

* * *

Сизым соколом летать над тобой хочу,
Юркой рыбкой проплывать под тобой хочу.

В сеть твою хочу попасть, ставь ее скорей,
В нежных пальцах у тебя трепетать хочу.

Жаркой летнею порой, в нестерпимый зной
Я в тени твоих кудрей отдыхать хочу.

Быть в саду твоём цветком, быть у ног твоих рабом,
Волю царскую твою исполнять хочу.

И в красавице Кульдже, и в седых степях
Только об одной тебе я мечтать хочу!

* * *

Ни на кого не глядя, стоишь ты у калитки,
Не щеки, а награды — серебряные слитки!

Не брови, а мехраба изящные изгибы,
Не косы, а канаты, сплетенные для пытки.

На радость иль на горе ты родилась, скажи мне,
Глаза твои, как море, а стан не толще нитки.

Ресницы, словно стрелы, на всей земле, поверьте,
Скажу об этом смело — прекрасней нет улыбки.

От красоты ослепнув, вокруг тебя толпятся,
Как звезды в небе летнем, поклонники в избытке.

* * *

Если нет в душе улыбки или сострадания,
Значит, жизнь твоя — ошибка. Нет ей оправдания.

Человек, любви не знавший, не достоин жизни,
Милую не повстречавший не поймет признания.

Радуйся, Билал, что видел ты любовь и горе,
Слышал, как смеются люди, знал про их страдания.

* * *

Да, в Судный день однажды в аду все грешники
сгорят,
А я горю день каждый уж много-много лет подряд.

Неудержимой сворой спешит то пламя все спалить,
Не знаю, которому из девяти миров я рад,

Куда бежать, коль пламя не где-то, а в груди моей,
Все лижет языками, и нет нигде ему преград.

Я почернел и высох, обуглился и стал золой,
Я стал похож на выжарки, одни глаза блестят.

Вы держите Билала, но вам, друзья, не удержать.
Уйду. И в пламень алый вниз головой нырну опять.

* * *

Последнюю прочел строку ты, вдохновенный чтец.
На этом свете, не солгу, всему есть свой конец.

Отчизне верен был своей, ее поэтом был,
И труд, что длился много дней, закончил наконец.

Когда свершилось это, знай, мне стало двадцать
семь,

А было это в месяц май, что для весны — венец.

А если цифрами вписать тот памятный мне год,
То два, и шесть, и восемь в ряд, и к тысяче в конец.

А коль захочешь ты, друг мой, знать, кто сложил
сей стих,

То знай, на свете был такой Билал Назым — певец.

МУСТАЗАД

Томный взгляд моей любимой — это солнца
жаркий луч,
Пьянит он без вина.

Губы как бутон, а речи — ручеек, что скачет
с круч
Без усталости и сна.

Стройный стан напоминает бесподобный кипарис,
Лицо ее — луна.

Брови черные с глазами, словно молния среди туч,
А волосы — волна.

Каждый, кто ее увидит, попадет к ней сразу в плен.
В том не его вина!

Как Меджнун жизнь посвятит, чтоб отыскать
заветный ключ,
Что спрятала она.

В поисках того ключа скитается Биалал Назым,
И счастлив тем сполна.

МУРАББА

* * *

Знай, страшней, чем муки ада, в этом мире
с глупым жить,
И с невеждой и лжецом, с пройдохой хуже нет
дружить,
Не сведи судьба с такими под одною крышей быть,
Ничего в них нет святого, доброты в их сердце нет.

Если глупому дашь волю, он планету подпалит
И любого мудреца он в шарлатана превратит,
Голову сломя не в рай, а в ад кромешный побежит,
Будь от глупого подальше: это дружеский совет.

От глупцов, Назым, старайся убежать скорее прочь,
Если будешь с ними рядом, станешь ты темней,
чем ночь,
И не спорь с глупцами: знай, их невозможно
превозмочь,
Нет в душе у них любви и доброты в их сердце нет.

* * *

Всей душой я полюбил,
Без тебя не мил мне свет.
Ты не смотришь на меня.
Что мне делать? Дай совет.

Как над свечкой мотылек,
Хрупок, слаб и уязвим,
В пламени любви горю,
Преданный тебе Назым.

МУХАММАСЫ

* * *

Стрела любви меня сразила, пронзила душу мне
насквозь
Меня в Меджнуна превратила, тебя в Лейли,
живем мы врозь,
Скитаюсь я один в пустыне, лью на нее потоки
слез,
Вокруг меня кусты полыни, а там, где ты —
разливы роз.
Но оба мы несчастны, оба, хоть плачу я, а ты
поешь.

Скитаюсь, мерзну, голодаю, считаю звезды
над собой,
И лишь любовью согреваюсь, что как мираж передо
мною.
Порою, как песок, краснею, желтею, словно лист,
порой,
Тоскуя по тебе, седею, все вспоминаю голос твой,
И плечи, и ресниц гряды, пронзающую, словно нож.
Среди песков горю сыпучих, как грешник злой
горю в аду,
Но за тобой по горным кручам без сожаления иду,

Пусть не сегодня и не завтра, но все равно тебя
найду,
Пусть буду прав или неправ, в тот миг к ногам
твоим паду,
На всей земле меня счастливей ты в это время
не найдешь.

Как саксаул в пустыне сохну я, изнывая с каждым
днем,
От слез соленых весь промокну, как под
тропическим дождем,
Как пес бродячий, может, сдохну, дежуря под твоим
окном,
И как Гиясиддин продрогну, забыв про кров и
отчий дом,
Но все Биалал преодолеет, его с дороги не свернешь!

* * *

Я не знал, что повстречаюсь с безответною
любовью,
И не думал заболеть такой неизлечимой болью,
Я не ведал, что придется столько слез пролить
с мольбою,
Что придется, как Меджнуну, тосковать одной
тобою,
По утрам петь соловьем, а по ночам кричать совою.

Узнав о том, что я в тоске, друзья пришли со всех
сторон,
Кто говорил с усмешкой мне, кто говорил сквозь
боль и стон,
Все осуждали и кляли меня за то, что так влюблен,
Гудела вся Кульджа как дом, что был нарочно
подожжен,
Лишь я молчал и все мечтал, когда увижусь вновь
с тобою.

Что для влюбленного весь мир, что для него вся та
молва,
Ему они не черный хлеб, и не пшеничная халва,
Он думает лишь об одном, когда волшебные слова,
Сгорая на костре любви, произнесет она сама,
И, знайте, больше ничего ему не нужно под луною.

Коль я погибну от любви, не понятый и не
согретый,
Не осуждайте вы, друзья, мою любимую за это,
Ведь за любовь из века в век, из года в год всегда
поэты
На плаху шли, и я, Билал, иду за ними следом
где-то,
И рад, что горькая любовь была воспета честно
мною.

МУСАДДАСЫ

* * *

Не достиг своей я цели, стал несчастен, одержим,
Пламя в сердце мне попало, почернел я, словно
дым,

В той долине, что разлукой называют, я один,
Под горой любви я дожил до морщин и до седин,
И тебя прошу сегодня как отца несчастный сын,
Помоги влюбленным всем, о гордый шах Гиясиддин.

Я вначале о любви не думал вправду и всерьез,
И смеялся я над теми, кто скитался в мире грез,
И легенды о любви из этих странствий вечно нес,
А потом влюбился сам до боли в сердце и до слез,
И прошу тебя сегодня как отца несчастный сын,
Помоги влюбленным всем, о гордый шах Гиясиддин.

Как заноза в мое сердце глубоко вошла любовь,
Душу ранила, взбесила нестареющую кровь.
Мой дневной покой украла и лишила сладких снов,
Лик свой лунный показала и закрылась тучей
вновь,

И прошу тебя сегодня как отца несчастный сын,
Помоги влюбленным всем, о гордый шах Гиясиддин.

По тебе я тосковал, но не попал я в Бадахшан,
За имамом Бакираном не поехал я в Умман,

В поисках любви и счастья не подался я в Канъан,
Потому что город твой — прекрасный город

Наманган,

И тебя прошу сегодня как отца несчастный сын,
Помоги влюбленным всем, о гордый шах Гиясиддин.

Для меня сейчас Канъан и Бадахшан — все это ты,
Ты печаль моя и радость, ты и грезы и мечты,
У тебя глаза, как море, щеки — алые цветы,
На земле не может быть тебе подобной красоты,
И тебя прошу сегодня как отца несчастный сын,
Помоги влюбленным всем, о гордый шах Гиясиддин.

* * *

Когда-то гордый, дух мой поник сегодня вновь,
С небес его спустила проказница-любовь,
Перед ее очами не вымолвлю двух слов.
Но стоит ей легонько нахмурить нынче бровь,
На дерзновенный подвиг я был в тот миг готов,
Пускай он стоит жизни, пускай прольется кровь.

Когда ее увидел я в жизни первый раз.
Я потерял рассудок как легендарный Кайс,
И от лица любимой не мог отвести я глаз,
И этот час волшебный я помню как сейчас,
На дерзновенный подвиг я в тот же миг готов,
Пускай он стоит жизни, пускай прольется кровь.

По ней тоскуя, стал я скитаться как Меджнун,
От слез моих взбурлилась сама река Джейхун.
Мой стройный стан согнулся и стал похож на
«нун».

Постелью стала галька, подушкой — валун.
На дерзновенный подвиг я был в тот миг готов,
Пускай он стоит жизни, пускай прольется кровь.

За ней и днем и ночью я, словно вор, слежу,
И без нее я места себе не нахожу.
Хотите — не хотите, но честно вам скажу,
Мне кажется, я просто по ней с ума схожу.

На дерзновенный подвиг я был в тот миг готов,
Пусть он стоит жизни, пусть прольется кровь.

Ее лицо с цветами я не хочу сравнить,
Цветы завянут, если их щедро не полить,
Ее лицо светилом планете может быть,
Оно поможет жизни с веками не остыть.
На дерзновенный подвиг я каждый миг готов,
Пусть он стоит жизни, пусть прольется кровь.

Ее глаза сверкают, в них лучезарный свет,
Тех глаз красивей в мире и не было и нет,
Мне пятьдесят четыре со дня рожденья лет,
А я совсем как парень и все нишу побед.
На дерзновенный подвиг я каждый миг готов,
Пусть он стоит жизни, пусть прольется кровь.

За ней идут сегодня толпой и стар, и мал,
Шагаю вместе с ними и я, Назым Билал,
Хочу я, чтобы каждый счастливым в мире стал,
И чтобы каждый в мире любимую узнал.
На дерзновенный подвиг я каждый миг готов,
Пусть он стоит жизни, пусть прольется кровь.

КОММЕНТАРИИ

- «Алиф» — первая буква арабского алфавита, изображающаяся в виде вертикальной прямой линии.
- Бадам — плод миндаля.
- Бадахшан — ныне Горно-Бадахшанская Автономная область. В классической восточной поэзии — место, богатое рубинами.
- Бахрам — планета Марс, небесный воитель; популярный персонаж героических и романтических произведений.
- Вамук и Узра (Вамык и Азра) — герои дастана поэта XI века Унсури. Вамук — образ несчастного влюбленного.
- Газель (газаль) — лирическое стихотворение, главным образом любовного содержания, написанное бейтами (двустихиями), связанными одной рифмой. Газели Билала Назыма имеют некоторые особенности.
- Гиясиддин — легендарный покровитель влюбленных в уйгурской поэзии.
- «Дал» — буква арабского алфавита, имеет вид дуги, вертикально наклоненной налево; в поэзии олицетворяет старость, согбенность.
- Дарий (Дара) — иранский царь (522—486 гг. до н. э.).

- Дастан — поэтическое сказание, романтическая поэма.
- Джабраил — библейский архангел Гавриил.
- Джами (1414—1492 гг.) — знаменитый персидско-таджикский поэт.
- Джейхун — старое арабское название Амударьи.
- Диван — собрание стихов.
- Дутар — струнный музыкальный инструмент.
- Зулейха (Зулейка) — героиня дастанов многих восточных поэтов.
- Искандер — Александр Македонский (356—322 гг. до н. э.).
- Кайс — настоящее имя героя восточной поэзии Меджнуна.
- Канъан — древнее название Ливана.
- Каф — название вершины горной цепи Кахистана (точное место неизвестно). Образ в восточной поэзии.
- Кербала — степь, где произошла битва между сторонниками и противниками халифа Али.
- Кульджа — уйгурский город в Восточном Туркестане, ныне Синьцзян-Уйгурский Автономный район КНР.
- Лейла (Лейли) и Меджнун — классическая влюбленная пара, чья любовь окончилась трагедией. Этим героям посвящены поэмы Низами, Навои, Физули.
- Лукман (Лукман Хахим) — легендарный врач и мудрец, якобы проживший 4400 лет благодаря лекарственным травам, которые ему удалось открыть.
- Мадхие — хвалебное стихотворение в восточной поэзии, ода.
- Мекка — священный город у мусульман.

- Михраб — сводчатая ниша в мечети, указывающая направление к Мекке.
- Муссаба — форма восточной поэзии, семистишие. Две последние строки повторяются в каждой последующей строфе.
- Мусаддас — форма восточной поэзии, рифмуются первые четыре строки каждой строфы.
- Муस्ताзад — форма народной и классической поэзии со сложным размером.
- Мурабба — форма восточной поэзии, четверостишие. Последние строки каждой строфы связаны одной сквозной рифмой.
- Мухаммас — форма восточной поэзии, пятистишие, в которых все строки имеют одну рифму.
- Навои Алишер — великий узбекский поэт (1441—1501 гг.).
- Намаз — пятикратная молитва мусульман.
- Ной — герой библейского мифа о всемирном потопе, спасший людей и животных.
- Низами (1141—1209 гг.) — великий азербайджанский поэт и мыслитель.
- «Нун» — буква арабского алфавита в виде дуги с точкой.
- Пир — учитель, суфийский духовный наставник.
- Рудаки — (860—941 гг.) — великий персидско-таджикский поэт. Считается родоначальником поэзии на фарси.
- Рум — так называли Византию, а иногда всю Малую Азию.
- Рустам (Рустем) — легендарный богатырь, чьи подвиги описаны в «Шахнаме» выдающегося таджикско-персидского поэта Фирдоуси (934—1025 гг.).
- Саади (Саади Ширази) — классик мировой литера-

- туры, персидский поэт XIII века, автор популярных произведений «Гулистан» и «Бустан».
- Саки — кравчий, виночерпий.
- Сам — герой поэмы «Шахнаме» Фирдоуси.
- Сейфульмулюк и Бадия — популярные герои классической восточной поэзии.
- «Серебряные слитки» — традиционная уйгурская награда.
- Сиявуш — один из героев поэмы «Шахнаме» Фирдоуси.
- Сурьма — краска для бровей и ресниц.
- Тамбур — струнный музыкальный инструмент.
- «Тысяча двести шестьдесят восемь» — год Хиджры, соответствует 1852 году современного летоисчисления.
- Телец — созвездие; бык, на котором, по мусульманскому поверью, держится Земля.
- Умман — название вершины, о месте расположения которой сейчас неизвестно.
- Фархад и Ширин — герои популярных поэмы Низами, Амир Хосрова, Алишера Навои.
- Хадж — паломничество в Мекку.
- Хна — растительная краска.
- Хатан — город в Восточном Туркестане, ныне Синьцзян-Уйгурский Автономный район КНР.
- Худжра — келья в медресе.
- Юсуф (Юсуп, библ. Иосиф Прекрасный) — герой поэтических произведений Востока.
- Якуб (библ. патриарх Иаков, отец Иосифа Прекрасного) — образ терпеливого отца-страдальца.

НА ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

На обложке — рисунок работы художника Тимура Садуллаева.

На фронтиспise — портрет поэта Билала Назыма.
Художник П. Д. Воронкин.

Миниатюры художника Тимура Садуллаева:

Мечтая о возлюбленном.

Минута вдохновения.

Встреча.

В поисках любимой.

Песня любви.

Ожидание.

СОДЕРЖАНИЕ

Билал Назым. Предисловие М. К. Хамраева.	3
Газели	5
Мустазад	94
Мурабба	95
Мухаммасы	97
Мусаддасы	101
Комментарии	105

Н 19

Назым, Билал.

Избранное (Сост. и пер. с уйг. М. Хамраева; Редакция: Абдурахманов Ф. А. и [др.]; Редактор: Б. Пармузин [Вступит. статья М. Хамраева].— Т. Изд. ЦК КП Узбекистана, 1982.—112 с.—(Избранная лирика Востока.)

В надзаг.: АН УзССР. Ин-т рукописей им. Х. С. Сулейманова.

С(Уйг)

Избранная лирика Востока

БИЛАЛ НАЗЫМ

И з б р а н н о е

**Издательство ЦК Компартии Узбекистана
Ташкент — 1982**

**Техредактор Г. Ломиворотова
Корректор А. Ионова**

Сдано в набор 23.09.81. Подписано в печать 15.02.82.
Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура новая газетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,1+7 вкл. Уч.-изд. л. 2,26. Тираж 280000.
Заказ № 2284. Цена на типографской бумаге — 65 коп., на мелованной бумаге — 75 коп.

**Ордена Трудового Красного Знамени
типография Издательства ЦК Компартии Узбекистана,
Ташкент, ул. «Правды Востока», 26.**